

и в первых из них обитал материнский род со счетом родства по матери. Не исключена возможность, что и в других случаях мы имеем дело с материнским родом, хотя на основании целого ряда данных можно думать, что в Ананьинскую эпоху в Прикамье уже существовал отцовский род.

В современной этнографической литературе народов Прикамья имеется описание чрезвычайно интересных пережитков в недавнем прошлом коллективных жилищ удмуртов, которые имели аналогии у народов Поволжья и некоторых других¹.

В каждом удмуртском хозяйстве, кроме зимнего жилища, которое является, повидимому, самым поздним явлением в истории развития удмуртского жилища, существует второй тип надворной постройки—летнее жилище—кенос, который встречается в каждом дворе без исключения, реже в единственном числе, чаще в количестве двух, трех, а иногда удмуртский двор имеет пять и более кеносов.

По внешнему виду кеносы разделяются на одноэтажные и двухэтажные. Последние, в свою очередь, делятся на ординарные, двойные и длинные.

Кеносы всех типов представляют собой строения, находящиеся высоко над землей (или во втором этаже, или поднятые на сваях), длинные и узкие, с открытой галереей перед ним. С галереи в каждый кенос ведет дверь, через которую проникает свет. Кроме того, в кеносе имеются одно или два небольших волоковых окошечка.

В описанной постройке каждая отдельная семья, входящая в состав домохозяйства, имеет свое отдельное помещение. Если же в семье имеется несколько супружеских пар, а кенос только один, то в каждом углу кеноса помещается отдельная кровать или нары с пологом, а перед ними—сундук с одеждой. Иногда общий кенос разделяется перегородками на части, занятые отдельными супружескими парами. Чаще каждая пара имеет отдельный кенос с выходом на общую галерею и под общей крышей. Длинный кенос состоит из нескольких отдельных кеносов, полностью аналогичных ординарным. Они соединяются друг с другом закрытыми промежуточными помещениями.

В большинстве дворов имеется по несколько кеносов. Количество их зависит обычно от числа женатых сыновей. Отец семьи, как только у него подрастает сын и нужно его женить, строит ему кенос.

В кеносе семья проводит большую часть года; повидимому, кенос служил раньше постоянным жильем. В кеносе полной и единственной хозяйкой являлась женщина, что, повидимому, представляет пережитки когда-то существовавшего материнского рода.

А. Збруева

В Академии Наук СССР

Дискуссия об эгейской культуре

(Обсуждение главы для III тома «Всемирной истории»).

В течение двух дней, 27 и 28 марта, на совещании при Отделении истории и философии Академии наук СССР под председательством академиков Деборина и Грекова происходила оживленная дискуссия по вопросу об эгейской, или крито-микенской, культуре, в связи с обсуждением представленной проф. В.С. Сергеевым главы «Эгейский мир» для III тома «Всемирной истории».

В диспуте принял участие целый ряд специалистов Москвы и Ленинграда, кроме того дискуссия вызвала большой интерес среди молодых научных работников высших учебных заведений и музеев Москвы, в том числе аспирантов исторического факультета Московского университета и педвузов, в значительном числе присутствовавших на заседании.

Несмотря на ожесточенные споры, дискуссия прошла, как отметил в заключительном слове академик Греков, на высоком теоретическом уровне.

¹ А. П и н т, К истории удмуртского жилища. «Уч. зап. н.-и. Ин-та народов Востока при ЦИИ СССР», вып. II. «На удмуртские темы».

Глава об эгейской культуре для «Всемирной истории» была первоначально поручена Институтом истории проф. Б. Л. Богаевскому и представлена им в конце прошлого года под названием «Население материковой и островной Греции на различных этапах развития первобытно-общинного строя в восточном Средиземноморье». Однако после обсуждения этой главы 15 декабря прошлого года Бюро главной редакции под председательством акад. В. П. Волгина, при участии специалистов по истории первобытного общества и древней истории, выяснилось, что глава совершенно неприемлема, во-первых, вследствие предвзятой точки зрения автора, пытающегося уложить разнообразную и яркую эгейскую культуру в прокрустово ложе первобытного общества, во-вторых, вследствие неудачной формы изложения, непригодной для «Всемирной истории», рассчитанной на широкие круги советской интеллигенции.

Заново главу об эгейской культуре редакция поручила написать проф. Сергееву, разделяющему взгляды большинства советских историков и археологов на крито-микенское общество, как общество классовое, по типу приближающееся к ранне-рабовладельческим обществам древнего Востока.

Учитывая сложность и актуальность вопроса и наличие среди специалистов двух диаметрально противоположных точек зрения, Отделение решило вынести спорную тему об эгейской культуре на широкое обсуждение, с привлечением в первую очередь главного оппонента проф. Б. Л. Богаевского и разделяющего его точку зрения академика А. И. Тюменева. От Ленинградского отделения Института истории был вызван проф. Калистов. Из московских ученых приняли участие в обсуждении профессора Авдиев, Блаватский, Золотарев, Киселев, Кун, Машкин, Мишулин, Ранович, Толстов, доцент Бокшанин и др.

Обсуждение началось с заслушивания доклада проф. Сергеева, зачитавшего часть написанной им главы под названием «Эгейский мир».

Основные положения этого доклада сводятся к следующему.

Среди стран и островов, омываемых Эгейским морем и составлявших в древности особый Эгейский мир, наибольшее значение получил остров Крит, достигший в XVII—XV вв. до н. э. высшей точки своего развития. Расцвет критской культуры был связан с веком бронзы. О Крите, кроме археологических данных, осталась сильная античная традиция. Археологические памятники и литературные источники—Гомер, Фукидид, Геродот, Диодор—позволяют утверждать, что в эпоху своего развития Крит подчинил своему влиянию соседние эгейские страны и при легендарном царе Миносе благодаря своему флоту достиг полного господства в Эгейском море, собирая дань с подвластных народов. Основой талассократии Крита была широкая торговля не только со всеми странами Эгейского моря, но и со странами древнего Востока, в особенности, Египтом, Сирией, Хеттским государством и даже Месопотамией. Предметами торговли служили, наряду с произведениями критского сельского хозяйства, произведения высокоразвитого критского ремесла, достигшего большого совершенства в области обработки бронзы, керамических, ювелирных и других изделий.

Регулярные связи со странами древнего Востока, в особенности с Египтом, оказали несомненное влияние на Крит, общественный строй которого по типу своему приближался к ранневосточному рабовладельческому обществу.

Все управление концентрировалось вокруг царского дворца, во главе государства стоял царь-жрец, соединявший в своем лице высшую политическую, духовную, военную и судебную власть. При дворце имелись царская канцелярия и большой бюрократический аппарат, ведавший отчетностью и скреплявший царские постановления и другие документы печатью. При дворце находилась также царская тюрьма. Большое количество мастерских и людей, живших во дворце, требовали многочисленного персонала, наблюдавшего за складами и заботившегося о снабжении.

Резиденцией царя был город Кносс. Царский дворец стоял среди города и представлял грандиозное здание в несколько этажей, построенное по весьма сложному плану. Залы и комнаты кносского дворца были богато украшены фресками и много-

численными колоннами особого стиля. Предметы, найденные во дворце, свидетельствуют о большом распространении роскоши среди правящего класса и об удивительном изяществе, легкости и богатстве форм критского искусства.

Постройка критских дворцов, работа в каменоломнях, флот, работа в царских мастерских говорят о применении на Крите рабского труда и позволяют сближать Крит с восточной деспотией.

Преобладание Крита продолжалось до 1400 г., когда Крит подвергся неожиданному нападению ахейцев, во время которого Кносс был взят, а кносский дворец разрушен. После 1400 г. критская культура приходит в упадок и теряет свое первостепенное значение.

В своем докладе проф. Сергеев старался в ярких образах воссоздать жизнь крито-микенского общества, совершенно не касаясь многочисленных гипотез и не вводя всей черновой работы, в результате которой он пришел к своим выводам.

Свое выступление, продолжавшееся около двух часов, проф. Богаевский начал с заявления, что «подробный ответ он откладывает до получения стенограммы», сейчас же он остановится лишь на некоторых моментах, «которые требуют не рассуждений, а конкретного и фактического материала». И, действительно, вся первая часть возражений строилась вокруг демонстрации присутствующим многочисленных фотографий, долженствующих, по мнению проф. Богаевского, разрешить вопрос о критском государстве, о дворце Миноса и обо всем, что с ним связано. Само собой разумеется, что фотографии демонстрировались с весьма подробными объяснениями, так что во второй части своего выступления проф. Богаевский, за недостатком времени, вынужден был отказаться от этого метода, перейдя к рассмотрению общих вопросов и выводов по докладу.

Центральные возражения, касающиеся понимания проф. Сергеевым крито-микенского общества, проф. Богаевский построил при показе следующих фотографий: 1) фреска царь-жрец; 2) тронные залы в Кноссе и Мари; 3) планы Гурнии и Палекастро; 4) фотографии Кносского дворца, не опубликованные Эвансом; 5) планы Кносского дворца, относящиеся к различным эпохам; 6) фреска мужчины и женщины на театральной площадке и др.

При этом проф. Богаевский утверждал, что все выводы проф. Сергеева строятся на плохом знании памятников. Неправильное описание фрески царь-жрец, даваемое проф. Сергеевым по устаревшим данным, приводит к неправильным выводам. Высота фрески не 3 м, а 2 м 22 см. На голове у персонажа не шлем, а диадема с перьями. По новой реконструкции Эванса в руках у царя не жезл, а цепь, за которую он ведет сфинкса. Весь культ на Крите был сосредоточен в руках женщин. Следовательно, — говорит проф. Богаевский, — фреска изображает не царя и не жреца: это — изображение племенного вождя.

В тронном зале кносского дворца, по описанию проф. Сергеева, — говорит проф. Богаевский, — происходили приемы послов, здесь находились советники и чиновники. Но такое описание дано потому, что проф. Сергеев не огласил масштабов. Тронный зал — комната площадью всего в 15 кв. м: в нем могут уместиться только 15 человек. Тронный зал в Мари, наоборот, — громадное помещение в 200 кв. м. Трон в Кноссе стоит на полу, в Мари трон стоит на подиуме. Поэтому нельзя говорить, что кносский зал — местопребывание восточного деспота. В Кноссе таких зал, как в Мари, — нет.

Единственное помещение для общественных собраний была театральная площадка. Проф. Богаевский указывает, что Эванс часто оперирует с преувеличенными фотографиями, не отвечающими подлиннику, потому что без преувеличения невозможно дать понятие о кносском дворце как грандиозной постройке.

В подтверждение сказанного проф. Богаевский демонстрировал фотографии, не опубликованные Эвансом. Упрекая проф. Сергеева в том, что он не показал того материала, который был положен им в основу своих выводов, проф. Богаевский, однако, был вынужден признать, что «было дано увлекательное описание», но это увлекательное описание, по его мнению, не отвечает фактам. В объяснении снимков, — говорит он, — мы не должны следовать за Эвансом.

Резюмируя, проф. Богаевский приходит к выводу, что кносский дворец не может идти в сравнение с дворцом Мари. Кносский дворец миниатюрен. «Эта постройка хороша, но тут нет ничего древневосточного, нет этих масштабов».

Обвиняя проф. Сергеева в увлечении древневосточной монархией Крита, проф. Богаевский предлагает ему, исходя из своих толкований, объяснить: 1) наличие в кносском дворце трех тронов; 2) каким образом монарх Кносса находился в тронном зале без охраны; 3) разницу изображения львов в Мари, где эти львы, олицетворявшие охрану деспота, «изумительны по силе, по классовому темпераменту», с изображением львов на Крите, где они «смирны и добродушны»; 4) объяснить среднеминойскую фреску с изображением многочисленной толпы мужчин и женщин, стоящих вместе. Ответ на этот последний вопрос проф. Богаевский предлагает дать в связи с недавно опубликованной рукописью Маркса, которая характеризует азиатскую общину таким образом, что она может быть или демократичной или деспотичной. «Мы имеем,— говорит проф. Богаевский,— на Крите общину, проявляющуюся в демократической форме, и тогда с этим будут согласовываться и малые размеры помещений, и отсутствие тронного зала, и объединение женщин и мужчин в одних сценах».

Прекратив демонстрацию фотографий ввиду позднего времени, проф. Богаевский во второй части своего выступления пришел к следующим выводам: проф. Сергеев исходит из презумпции о существовании на Крите государства, основываясь на выводах буржуазного ученого Эванса, тогда как в работах советских ученых нельзя найти подтверждения этой точки зрения. Дворцы по своим размерам и все прочие данные, по мнению проф. Богаевского, не говорят, что Крит—древневосточное рабовладельческое государство. О рабах проф. Сергеев высказывается неопределенно. Кроме того, он не привел в своем докладе данных стратиграфии, которая показывает непрерывность развития между Критом и Грецией.

Проф. Сергеев указывает, что Кносс был разрушен до основания, между тем в 1400—1000 гг. на Крите был III среднеминойский период. Никакого застоя после 1400 г. на Крите не было.

В главе, представленной проф. Сергеевым, нет исторического движения. Проф. Сергеев использует устаревшие выводы: так например, говорит о гавани в Кноссе, в то время как эта точка зрения Эванса была подвергнута критике. Чтобы показать, как широко торговали критяне, проф. Сергеев ссылается на то, что критские изделия достигали Иберии, между тем минойская керамика на Иберийском полуострове датируется римским временем.

Неправильно упомянул докладчик о царской тюрьме. По мнению проф. Богаевского, эта яма в Кносском дворце «не тюрьма, а место, куда сажали провинившихся членов родового клана».

Общий вывод после двухчасового выступления проф. Богаевский сформулировал так: характер древневосточного рабовладельческого, монархического общества на третьей стадии минойского периода проф. Сергеевым не доказан. Глава проф. Сергеева—произведение литературное, а не научное.

В защиту точки зрения проф. Богаевского выступили академик А. И. Тюменев и проф. Дальский, солидаризировавшиеся с проф. Богаевским.

По мнению акад. Тюменева, проф. Сергеев дал изображение Крита в кривом зеркале, заменяя факты фантазией. Такое изображение акад. Тюменев считает недобросовестным. Далее, остановившись на вопросе о критской торговле, о связях с Египтом, о дворце, о царе-жреце, о бюрократии и письме, он обвиняет докладчика в преувеличениях. «Критское письмо начинается с пиктограмм, и в последующих стадиях оно почти совсем не совершенствовалось». К оценке дворца, по словам акад. Тюменева, надо подходить с сугубой осторожностью, чтобы «не очутиться в плену буржуазной концепции». Так же как проф. Богаевский, он предостерегает от увлечения Эвансом, злоупотребляющим реставрациями памятников. По мнению акад. Тюменева, знаменитые критские деревянные колонны—не колонны, а просто бревна, подпорки, стоящие конусом книзу; такие «колонны могут быть в каждом колхозном дворе».

Считая доказанным, что на Крите существовал матриархат, а не деспотия, акад. Тюменев приходит к выводу, что на Крите не было классового общества. В противном случае нельзя понять роли женщины на Крите, которую проф. Сергеев никак не объяснил. Если встать на ту точку зрения, что на Крите было классовое государство, то как быть с гомеровским обществом? Теперь постоянно ссылаются на то, что гомеровское общество своими корнями уходит в микенскую эпоху и соприкасается с критской. Значит,—говорит акад. Тюменев,—разрыва между Критом и Микенами не было. А раз разрыва не было, то переход от государства к доклассовому обществу остается непонятным. В заключение акад. Тюменев резко возражает против признания близких связей Крита с Египтом и взаимного их влияния. Аналогию, по его мнению, нужно искать с хеттами. «Здесь мы встречаем большую аналогию в типе государства. Это государство такого же неустойчивого типа».

Косвенные доказательства об общественном строе Крита могут дать письменные памятники, сообщающие нам о филистимлянах, бывших выходцами из Крита. Быт филистимлян, поселившихся в Палестине, сходен с бытом Крита. Этот быт говорит о родовом строе, а не о деспотии. Акад. Тюменев приходит к заключительному выводу, что в применении к Криту нельзя говорить, следуя за Эвансом, о государстве, а можно говорить только о «заключительной стадии доклассовой формации».

Проф. Дальский подчеркивает актуальность вопроса и в то же время высказывает некоторую неудовлетворенность по поводу недостаточно глубокого подхода к его обсуждению. Доклад проф. Сергеева, по мнению Дальского, построен догматически и защищает «старую точку зрения». Проф. Сергеев не только «поддерживал классовое общество, но и монархию на Крите». Все построено на неправильном употреблении терминов. Проф. Дальский—против употребления термина «царь-жрец». Какой это царь, если «у него длинные волосы». Употреблены такие слова, как «министр», что является модернизацией, или слово «приказ», что является термином феодальным. Проф. Дальский обвиняет далее проф. Сергеева в том, что он следует за буржуазным ученым Эвансом, возражая против «новой, несомненно передовой концепции проф. Богаевского».

Приведя некоторые материалы, по его мнению, говорящие против существования классового общества на Крите, проф. Дальский пускается в схематические рассуждения, повторяя слова акад. Тюменева о том, что существование классового общества на Крите означало бы перерыв в развитии и переход от классового общества «обратно к общинному строю. В заключение проф. Дальский предостерегает от увлечения «старой» точкой зрения и поворота от передовой науки назад.

В защиту точки зрения Сергеева выступили заведующий сектором древней истории проф. Мишулин, проф. Калистов, Авдиев, Блаватский, Бокшанин, Золотарев, Кун, Машкин, Ранович, Толстов.

Соглашаясь с докладчиком по центральному вопросу о государстве и отчасти критикуя, отчасти дополняя его в частных вопросах, участники прений отмечали положительное значение дискуссии. Особняком стояло выступление проф. Артамова, заявившего, что дискуссия его не удовлетворяет, так как проф. Сергеев не показал, как на основе матриархального строя и родового общества возникло критское государство.

Проф. Калистов вступил в оживленную полемику с проф. Богаевским, указав, во-первых, что речь идет не о монографии, в которой проф. Сергеев мог бы развить аргументацию, а о статье для «Всемирной истории»; во-вторых, что по целому ряду вопросов приходится ориентироваться на тот фактический материал, который дает европейская наука, в том числе буржуазная. От этих общих замечаний проф. Калистов перешел к возражению по отдельным конкретным вопросам.

Так, указание проф. Богаевского на то, что дворец не представляет собой грандиозного сооружения, не является существенным. Известно много случаев, когда и в более поздние века существовали небольшие помещения, занятые правительственными группами, например, Грановитая палата в Кремле. С другой стороны, такой признак, как степень распространения микенской культуры, позволяет говорить

с уверенностью о наличии классовой структуры. Хотя мы и имеем ряд случаев, когда общество, еще не расчлененное на классы, торгует с обществом классовым, как например, скифы с греческими полисами в Черноморье, но обмен на Крите был иного порядка. Он сопровождался культурным влиянием. Все историки Египта подчеркивают влияние Крита на египетское искусство. Проф. Калистов ссылается на Тураева (том I, стр. 257), Брестеда (т. I, стр. 198), Шпрингера (изд. 1923 г., стр. 42). Далее при исследовании жилых помещений нужно учитывать пережитки. Одна эпоха заимствует материальные памятники у другой, но использует их совершенно для других целей. Так например, базилики в Риме сначала использовались для судебных учреждений, а потом были превращены в христианские церкви.

Обращаясь к вопросу о централизации власти на Крите, проф. Калистов зачитывает место из труда Богаевского, где последний, не отрицая самой централизации, отрицает ее характер как талассократии, т. е. господство Крита на море. Между тем за талассократию говорит отсутствие оборонительных укреплений и еще одно обстоятельство, отмеченное Эдуардом Мейером, а именно—расположение поселений Мохлоса и Псейро на самом берегу моря. Это показывает, что Крит, очевидно, располагал флотом и не боялся нападения со стороны моря. Кроме того Мохлос и Псейро расположены на скалистом месте, где абсолютно невозможно заниматься земледелием. Следовательно, это были поселки не земледельческие, а торговые. О господстве Крита на море говорят также и древние авторы—Фукидид, Геродот, Диодор. Не переоценивая значения этих авторов, в чем, по мнению проф. Калистова, повинен иногда проф. Сергеев, все же необходимо с этими высказываниями считаться.

Ссылаясь на новую работу проф. Бледжена, проф. Калистов говорит, что она позволяет сделать вывод о характере господства Крита в Арголиде. В Арголиде существовали две группы населения: одна была приобщена к критской культуре, другая находилась вне этой культуры. Это помогает ответить на вопрос, поставленный акад. Тюменевым, и объяснить наличие перехода от Крита к истории Греции, учитывая неравномерность развития последней. Как показывает Фукидид, в Акарнании существовал примитивный быт, в то время как в Афинах была сложная форма классовых взаимоотношений.

Далее проф. Калистов останавливается на вопросе о распространении критских вещей в целом ряде стран, о деньгах, ссылаясь на нумизмата Зельтмана, признающего на Крите систему денег.

Полемизируя с проф. Богаевским и сопоставляя определение родового строя, даваемое Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», с теми данными, которыми мы располагаем о материальной культуре Крита, проф. Калистов приходит к выводу, что они несовместимы ни с родовым строем, ни с гомеровским обществом и что сам проф. Богаевский, не сознавая этого, часто рисует критское общество как классовое. Таким образом, в гипотезе проф. Богаевского концы не всегда сводятся с концами.

Мысли проф. Богаевского хотя и интересны,—говорит проф. Калистов,—но не развивают тех основных положений, которые существуют о критском обществе как в источниках, так и в современной литературе. Поэтому отвергать эти положения—значит неправильно ориентировать читателя «Всемирной истории».

Проф. Золотарева, разбирая взгляды проф. Богаевского с точки зрения данных этнографии, предлагает для оценки критского общества статью на сравнительно-историческую точку зрения. Мы не знаем,—говорит он,—ни одного общества, которое сохранило бы родовой строй, достигнув такого высокого развития производительных сил, как на Крите. Такие факты, как литье бронзы, знакомство с гончарным кругом, архитектура, которой известны колонны, строительство из камня, сложные сооружения, прекрасная внутренняя отделка,—явления, неизвестные родовому строю.

Краеугольный камень аргументации проф. Богаевского, не приведенный на этот раз,—сопоставление кносского дворца с так называемыми сооружениями пуэбло в Северной Америке, по мнению проф. Золотарева, был теперь опровергнут самим проф. Богаевским. Все выступление проф. Богаевского было посвящено доказатель-

ству миниатюрных размеров помещений кносского дворца, а этот аргумент уничтожает всякую ценность сравнения с пуэбло. Пуэбло называется соединение домов, сделанных квадратно или прямоугольно из грубых неотесанных камней, без применения цемента. Каждый дом имеет большую площадь, от 80 до 200 м и больше. Весь комплекс домов соединен механически и очень однообразен. Характер комнат пуэбло одинаков, во время как множество разнообразных мелких помещений кносского дворца говорит о том, что здесь сложилась моногамная семья и уже нет родового строя. Каждая комната в Кноссе имеет индивидуальный облик, который никак не мирится с патриархальным бытом.

Неубедителен также аргумент акад. Тюменева о роли женщины на Крите. При решении вопроса об уровне общества нельзя безапелляционно обращаться к положению женщины. Крит по культуре своей связан с африканскими государствами, среди которых в господствующих классах сохраняется чрезвычайно высокое положение за женщиной. Так, утуарегов командует женщина, а не мужчина; мужчина ходит с закрытым лицом, а женщина с открытым; счет потомства ведется по женской линии, и даже единственная в Африке форма неарабского письма была известна только женщине. Высокое положение женщины встречается также в государстве Лунде, в бассейне Конго. В государстве Лунде существует правитель, но фактически правят его мать и сестра лукакеша. Невольно напрашивается параллель с Кноссом. Может быть, тот факт, что в Кноссе было три трона, объяснялся тем, что здесь управляли государством царь, мать царя и сестра. Однако вопрос о том, существовал ли на Крите царь,—является второстепенным.

Вопрос ставится так: было ли общество на Крите классовое или доклассовое, и какой способ производства являлся ведущим. Таким способом производства,—говорит проф. Золотарев,—был, повидимому, рабовладельческий способ производства.

После выступления проф. Золотарева проф. Богаевский взял слово для поправок, которое свелось к указанию проф. Золотареву о неправильном понимании им пуэбло и напоминанию той оценки, которую Морган дает постройкам в Юкатане.

Проф. Киселев считает необоснованным обвинение проф. Сергеева в недоброповестности. Промахи докладчика объясняются трудностью интерпретации археологических памятников, но все эти промахи не принципиального характера. С другой стороны, те данные, которые были приведены проф. Богаевским и его сторонниками, также весьма недостаточны. Проф. Богаевский не выдвинул возражения против того положения докладчика, что дворец в Кноссе находился внутри города. Сравнение поселения в Кноссе с планом Гурнии заставляет сделать вывод, что дворец Кносса был центральным сооружением, окруженным другими постройками городского типа. Путем показа неопубликованных, недоступных фотографий проф. Богаевский пытался создать впечатление миниатюрности построек Кносса. Но если обратиться к другим источникам, хотя бы к той же книжке Боссерта, то впечатление будет иное. Проф. Киселев предостерегает от простого оперирования фотографиями, которые приводят к противоположным выводам. Заслуга проф. Сергеева в том, что он попытался рассмотреть все памятники Крита в комплексе. «И вот,—говорит проф. Киселев,—когда эти большие и малые помещения наполняются тем вещественным материалом, который в них найден, тогда становится совершенно ясно, что о примитивной культуре говорить невозможно».

Проф. Богаевский неудачно объясняет наличие тюрьмы и совершенно не касается вопроса о найденных во дворце архивах. Делая попытки расшифровать критские письмена, Эванс показал, что на табличках изображены все четыре действия арифметики и процентные исчисления. Такая письменность едва ли доступна первобытному обществу. Основное недоумение, которое в значительной степени возникает у каждого исследователя, изучающего критский мир, заключается в том, что довольно высокая древневосточная рабовладельческая культура сменяется гомеровским периодом. Бояться таких перерывов,—говорит проф. Киселев,—не следует. Достаточно вспомнить аналогию с Передней Азией. До изучения Аравии и Сирии можно было думать, что арабская культура возникла на нетронутой почве. Но теперь известно, что эта почва

была вспахана древневосточным рабовладельческим строем и что мусульманский Восток не являлся непосредственным продолжением культуры классического Востока. Не следует поэтому стремиться считать Крит предшествующей стадией для греческой истории. Нарочитые поиски такой стадиальности во что бы то ни стало приводят к тому, что на материал начинают смотреть слишком сложно и видеть в нем гораздо более примитивных вещей, чем это есть на самом деле.

Проф. Кун заявил, что он ни в какой мере не может согласиться со взглядами проф. Богаевского и акад. Тюменева. Более правильно подошел к вопросу проф. Сергеев. Последнего он упрекает, однако, в том, что он привлекает Гомера для объяснения Крита и, например, неправильно толкует щит Ахилла как критский.

Далее, полемизируя с проф. Богаевским, проф. Кун сравнивает Египет, Вавилон и хеттов. Египет грандиозен, — говорит он, — и Вавилон тоже, а хетты не грандиозны. Не следует ли из этого, что у хеттов нужно искать родовой строй? Но как быть тогда с законами хеттов? Счастье хеттов только в том, что прочитаны их письма. Когда будут прочитаны письма Крита, — высказывает предположение проф. Кун, — весь матриархат, патриархат и доклассовое общество на Крите «испарятся, как дым».

«Я, — говорит проф. Кун, — как и проф. Богаевский, был на Крите и не один, а даже два раза, но матриархата я там не нашел. Я видел нечто другое — мастерские, кладовые, тронные залы».

Проф. Машкин обращает внимание на то, что большинство выступавших обсуждали вопрос по существу, забывая о той задаче, которая перед нами стоит, — установить, в какой мере представленная проф. Сергеевым статья подходит для «Всемирной истории». Ссылаясь на слова проф. Богаевского, сказавшего, что проф. Сергеевым дано было описание, описание увлекательное, проф. Машкин замечает, что это как раз та форма, которой нужно добиваться для «Всемирной истории». Подчеркивая блестящую форму изложения статьи проф. Сергеева и соглашаясь, как большинство выступавших, с основной концепцией автора, проф. Машкин делает упрек докладчику в излишней догматичности и доверчивости к греческой традиции. Полемизируя с проф. Дальским, проф. Машкин останавливается на вопросе, на который обратил внимание уже проф. Киселев, — о соотношении между классовым критским обществом и примитивным гомеровским. Проф. Дальский полагает, что признание на Крите классового общества не позволяет объяснить примитивные отношения гомеровского общества. Но домыслы проф. Богаевского не разрешают этой проблемы; ее надо решать не путем создания искусственных схем, а путем исследования исторического материала: материал говорит о необходимости признать перерыв в развитии Эгейского мира.

Если проф. Сергеева упрекали в предвзятой точке зрения, то в основу построения проф. Богаевского положен тот взгляд, что историческое развитие идет по прямой линии. Это касается не общеисторического процесса, а определенной территории. Например, если был какой-нибудь крупный культурный центр в какую-нибудь эпоху, то он должен оставаться таковым до настоящего времени. Однако эта теория проф. Богаевского укладывает в прокрустово ложе все памятники Крита.

Затем проф. Машкин переходит к разбору отдельных, выдвинутых проф. Богаевским аргументов. Указывалось, что тронный зал в Кноссе — незначительное помещение, а тронный зал в Мари — помещение обширное. Но можно ли для решения вопроса о политической и социальной форме руководствоваться размером комнаты? Вероятно, можно найти много примеров, где помещения для царей занимали весьма ограниченную площадь. Несостоятельны также, по мнению проф. Машкина, прочие незначительные аргументы, как то — отсутствие кордегардии, легкий доступ к царю, ссылка проф. Дальского на длинные волосы царя и т. п. Даже взятые в большом количестве эти аргументы не переходят из количества в качество.

Проф. Авдеев объясняет резкое расхождение между различными точками зрения по вопросу о типе общества, существовавшего на древнем Крите, тем, что сторонники доклассового общества рассматривали факты исторического развития Эгейского мира под неправильным углом, в частности переоценивая наличие целого ряда пережитков первобытно-общинного строя на Крите. Между тем, сохранение в полной мере

значительных пережитков первобытно-общинного строя известно в древневосточных деспотиях и характерно для раннего рабовладельческого общества. Именно поэтому можно провести некоторую параллель между социальными отношениями, существовавшими на Крите, и теми социальными отношениями, которые существовали на древнем Востоке. Концепция проф. Сергеева таким образом является обоснованной.

Обращаясь к фактам, проф. Авдиев указывает, что в родовом обществе, даже позднеродовом, не могли существовать такие крупные города, как Гурния, не могли существовать также развитая форма торговли и мореплавания и искусство, оказывавшее влияние на развитие художественных форм Египта в эпоху Нового царства, что является установленным. Далее проф. Авдиев приводит ряд фактов, говорящих о тесных торговых и культурных связях, которые соединяли Крит с древневосточным миром. Еще в гробницах египетских фараонов первой династии были обнаружены предметы, которые происходили из района Эгейского моря, так же как и в развалинах кносского дворца были найдены порфиновые сосуды египетского типа. В древнеегипетских надписях, начиная с эпохи Древнего царства, уже упоминаются названия северных народов Ханебу. В эпоху Среднего царства египтяне часто сталкиваются с этими племенами. В развалинах города Кахун были найдены черепки сосудов стиля Камарес. Эти сосуды ярко выраженного критского типа проникали довольно глубоко в Египет, вплоть до Нубии. В эпоху Нового царства связи Египта с Эгейским миром усиливаются. Стены гробниц XVIII династии покрыты многочисленными изображениями, среди которых мы видим типичных критян, несущих разные предметы. Стела Яхмоса I, основателя XVIII династии, найденная в Карнаке, говорит о царице Яхотет, в свите которой находятся Ханебу. Таким образом, взаимоотношения между Египтом и Критом на протяжении длительного периода времени были не эпизодические, а регулярные и постоянные.

Переходя далее к сравнению с Мари, проф. Авдиев находит, что некоторые части большого дворца в Мари поразительно близко напоминают аналогичное расположение не кносского, но фестского дворца. В надписях, найденных в Мари, упоминаются кафтор, т. е. критяне, с которыми Мари находится в оживленных торговых сношениях. Можно установить совершенно ясную связь между Критом и сирийским побережьем. В частности раскопки в Рас-Шамра обнаружили большое количество сосудов эгейского стиля.

В заключение проф. Авдиев замечает, что акад. Тюменев, проводя параллель с хеттским миром, в сущности солидаризировался с докладчиком, так как вряд ли можно предположить, что хеттские общества были родовыми обществами. Хеттские общества, следовательно, образуют как бы тот мост, который позволит сблизить критское общество с древневосточным, и более глубокое изучение хеттских государств будет способствовать установлению более тесного контакта между эгейским и древневосточным миром.

Доцент Б о к щ а н и н приводит высказывания о Крите географа Страбона, не упомянутые ни докладчиком, ни оппонентами. Он разбирает шесть упоминаний Страбона о царе Миносе, в которых нашло свое отражение представление древних о государстве Миноса, его морских походах, столице, законодательстве и пр.

Далее, возражая проф. Богаевскому по частным вопросам и по поводу неправильного понимания им исторического процесса как прямолинейного, доцент Бокщанин ссылается на высказывание Ленина о брошюре Юниуса: «представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недialeктично, ненаучно, теоретически неверно» (Ленин, Соч., т. XIX, стр. 182). Фактический материал истории древнего Средиземноморья и Средней Азии показывает возможность таких отклонений. Этого не учитывает в своей теории проф. Богаевский, делающий поэтому антиисторические выводы.

Проф. Т о л с т о в, подчеркивая актуальность вопроса о пережитках первобытно-общинного строя на древнем Востоке и в античном мире, без учета которых не может быть всесторонне понят процесс античной истории, указывает, что еще в классическую эпоху общественный строй Крита имел огромное количество пережитков первобытно-общинных отношений, так как в классическую эпоху Крит принадлежал к одной

из наиболее отсталых областей греческого мира. Однако всякое самое верное положение,—продолжает проф. Толстов,—если исследователь не остановится там, где нужно, и идет дальше, чем на это дает право материал, переходит в свою собственную противоположность. В связи с этим проф. Толстов напоминает слова Ленина о познании по спирали: каждый кусок этой спирали, будучи выпрямлен, заводит в болото. Восстановление целого ряда архаических элементов в критском обществе, будучи выпрямленным, т. е. если на этом будет построена теория первобытно-общинного строя в минойском Крите,—заведет в болото. Считая необходимым внести в статье проф. Сергеева определенные коррективы в сторону усиления роли архаических элементов в общественном строе рабовладельческого Крита, проф. Толстов в то же время подчеркивает, что позиция проф. Богаевского по данному вопросу совершенно неприемлема.

Останавливаясь на интерпретации археологических памятников, проф. Толстов считает необходимым для таких эпох, о которых мы не имеем письменных источников, прибегать к помощи этнографии. Но и здесь он предлагает быть сугубо осторожным, чтобы путем прямолинейных аналогий не прийти к грубейшим ошибкам. Для иллюстрации ошибок археологов автор указывает на пример, приводимый в утопическом романе испанского писателя Модельяни «Священный жираф». В этом романе, между прочим, дается сатира на научную конференцию археологов отдаленных столетий, которые, раскопав Луврский музей и найдя бесчисленные изображения женщин, пришли к выводу, что в XIX и XX вв. н. э. в Европе существовал матриархат.

К таким же нелепостям можно прийти, сравнивая критские дворцы с пуэбло, тогда как между планом пуэбло и кносским дворцом нет ничего общего. В доказательство своих слов проф. Толстов демонстрировал фотографии с изображением построек пуэбло. Все постройки пуэбло однотипные, нет функциональной дифференциации помещения. Единственно, что выделяется, это—святылище. Это и понятно, так как пуэбло—родовое поселенье. Каждая ячейка представляет собой более или менее замкнутое целое.

В архитектурном отношении также нет ничего общего между пуэбло и Кносским дворцом, если не считать Юкатана, где есть постройки из прекрасного тесаного камня. Но Юкатан имеет полуторатысячелетнюю историю, которая была неизвестна Моргану и стала известна лишь в связи с успехами американской археологии. Наконец, вопрос о матриархате и патриархате на Крите следовало бы решать не по количеству найденных изображений женщин, а путем изучения стиля. Стиль искусства материнского рода—пуэбло,—однако, ничего общего не имеет со стилем искусства древнего Крита, предвосхищающего реалистическое искусство античности. Этнографическая параллель пуэбло, выдвинутая проф. Богаевским,—отмечает проф. Толстов,—таким образом не выдержана. Неправ также проф. Богаевский, изображая Крит как какой-то золотой век. Ведь нужно помнить указание Ленина, что никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью борьбы с природой. Не случайно в «Кратком курсе истории ВКП(б)» подчеркнута примитивность уровня развития первобытного общества. Но в изображении проф. Богаевского Крит—это такое первобытное общество, которое, несмотря на свою первобытность, способно уже уделять большое количество труда на создание сложных росписей, на изготовление колонн, на сложную архитектуру. Тогда становится непонятной железная необходимость возникновения классового общества, если само первобытное общество могло выделить такое огромное количество свободной рабочей силы. Наконец, проф. Толстов ссылается на то, что на Крите была известна письменность, которая, судя по известным историческим примерам, возникнуть в догосударственном обществе безусловно не может.

В заключение проф. Толстов говорит о том, что общепринято считать, что цивилизация Средней Азии была разрушена варварами-кочевниками. То же самое было в Европе в эпоху завоевания варваров. Но то, что общепризнано для истории этих стран, почему-то представляется чем-то, чуть ли не граничащим с «монархизмом», когда речь идет о Крите. Рабовладельческое общество может существовать только в окружении варварских обществ, являющихся резервуаром для хищнической экспло-

атации, для получения рабов и ценностей. И если рабовладельческое общество гибнет под ударами окружающей варварской периферии, то это явление весьма обычное. Поэтому античная традиция и свидетельство археологических памятников, говорящих о перерыве развития, никаких сомнений вызвать не могут, а демократия гомеровского общества не стоит в противоречии с рабовладельческим строем на Крите. Кроме того, — говорит проф. Толстов, — нельзя вести борьбу с буржуазными концепциями упрощенно, методом вульгаризации, путем механического противопоставления выводов, противоположных выводам буржуазных ученых. Если Эванс говорит одно, то неправильно думать, что все, сказанное наоборот, есть марксизм.

Проф. Р а н о в и ч обращает внимание на характерные особенности развернувшейся дискуссии, заключающиеся в том, что проф. Сергеев зачитал свой доклад, но не говорил о своих предварительных исследованиях, содокладчик же, проф. Богаевский, не излагая своей концепции, остановился на том материале, которым он руководствовался при выработке своей гипотезы. Поэтому в прениях затрагивались, главным образом, материал и гипотезы проф. Богаевского и совершенно была оставлена в стороне глава проф. Сергеева, которая должна войти во «Всемирную историю», подготовляемую Академией.

Перейдя затем к обсуждению этой главы и считая, что в целом точка зрения проф. Сергеева безусловно правильна, а аргументы противников слабы, проф. Ранович указывает на имеющиеся в главе недостатки. Главный недостаток тот, что глава дана слишком суммарно и статично. Необходимо, насколько это возможно, показать эгейскую культуру в движении, и тогда проф. Сергеев сумеет подчеркнуть те действительно архаические черты, которые имеются не только в критской культуре, но и вообще во всей восточной культуре; к тому же, проф. Сергеев не дал своего изложения до конца. Разбирая затем возражения оппонентов, проф. Ранович приходит к выводу, что все аргументы, которые приводились против концепции проф. Сергеева, не выдерживают серьезной критики. Так, ссылки на размеры дворца Миноса, что они не велики, — аргумент неубедительный. Грандиозный и великолепный храм Соломона в Иерусалиме имел всего 29 м в длину и 9,5 м в ширину. Размеры здания большой роли не играют, главное — функции того помещения, о котором идет речь. О Крите мы судим не только по археологическим памятникам, но и по данным древней литературы. В дополнение к тем фактам, которые приводил проф. Авдиев, проф. Ранович приводит еще упоминание о Крите в Лейденском папирусе, где говорится, что «нет масла для бальзамирования тел вельмож от Египта до самого Крита». Акад. Струве, — замечает проф. Ранович, — на которого ссылались как на приверженца гипотезы проф. Богаевского, переводит это место, употребляя выражение «вельможи Крита». Царица египетская Яхотеп, о которой упоминал проф. Авдиев, по толкованию Эдуарда Мейера, — критского происхождения. Таким образом, фараон женится на критской принцессе.

Общее впечатление, которое создается на основании литературных памятников древности, то, что критяне достигли высокой ступени развития и, что очень важно, знали уже алфавитную письменность.

Неосновательны также аргументы в пользу матриархата. В Палестине, в самом центре Иудеи, как и на Крите, найдено большое количество женских статуэток и ни одного мужского божества. Однако никто, на основании случайных находок, не делает выводов, что в Иудейском царстве был матриархат.

В заключительной части своего выступления проф. Ранович остановился на проблеме перерыва эгейской культуры и ее пережитках в культурах позднейших.

Недостатком главы проф. Сергеева является то, что он не показал, как ставится проблема эгейской культуры, какие трудности возникают при ее решении, какие гипотезы выдвигаются. Между тем, сложность проблемы соотношения критского и гомеровского обществ как раз и послужила основанием для гипотезы проф. Богаевского, считающего, что гомеровское общество выше критского, хотя поэмы Гомера этому противоречат. В доказательство примитивности критского общества акад. Тюменев приводил ссылки на быт филистимлян по библейским данным. Однако эти данные довольно шатки и малоубедительны. Библия называет филистимлян племянниками

критян, а тех и других—сыновьями Египта. Из таких сообщений трудно почерпнуть какие-либо факты. Наконец, проф. Ранович полагает, что глава проф. Сергеева, несколько перестроенная в соответствии с теми замечаниями, которые были сделаны, должна быть помещена во «Всемирной истории», как отвечающая настоящему уровню наших знаний. Но это не исключает, конечно, того,—добавляет проф. Ранович,—что если проф. Богаевскому в дальнейшем удастся доказать свою гипотезу, то во втором издании «Всемирной истории» глава эта будет пересмотрена.

Проф. Мишулин начал свое выступление с указания на те трудности, с которыми столкнулся Сектор при написании главы по Криту в связи с тем, что глава, представленная проф. Богаевским, не была принята и утверждена ни Сектором, ни Бюро главной редакции.

Далее проф. Мишулин констатировал, что дискуссия прошла в основном нормально и плодотворно. Обсуждение, продолжавшееся в течение двух вечеров, показало, что большинство ученых склоняется к трактовке вопроса, предложенной проф. Сергеевым. Как отметили почти все выступавшие, проф. Сергеев дал интересную картину критского общества. «У проф. Сергеева Крит оживает, он дает чувствовать аромат эпохи, дает увлекательное изложение истории критской культуры. Здесь нет, в противоположность проф. Богаевскому, искусственной, нарочитой архаизации Крита».

Недостатки главы проистекают от целого ряда причин, некоторые из них зависят не от воли автора. Так например, нельзя при современном состоянии науки показать происхождение критского государства, на чем настаивает проф. Артамонов. Решение этой кардинальной проблемы в данное время, при современной недостаточности материала, можно дать лишь встав на путь фантазии или утопического романа. Мы с проф. Артамоновым не должны торопиться. Нужно терпеливо ждать нового материала, который бы позволил по-научному разрешить этот вопрос. Но наряду с этим есть недостатки, вытекающие из допущения проф. Сергеевым промахов. К числу такого рода промахов следует отнести некритический подход к литературным памятникам и недостаточные указания на связи Крита с другими государствами. В дополнение к тем данным, которые приводились проф. Авдиевым, проф. Мишулин приводит еще указания таких фактов, как находка критских ваз в Абидосе, на острове Мелосе и Кикладских островах. Кроме того проф. Мишулин отмечает важность упоминания Крита в надписях Мари и других памятников, на которые было указано. Сближение Крита с Востоком вполне закономерно. Можно бы даже сказать, что вообще историю Крита было бы целесообразно ставить в плане истории древнего Востока как последнее, заключительное звено, смыкающее восточную культуру с началом античной культуры.

Как правильно указал проф. Богаевский, проф. Сергеев не остановился на роли общины и пережитков общинного строя, и это необходимо исправить. Маркс и Энгельс в ряде работ говорят, что восточный деспотизм базируется на идиллической сельской общине. Маркс говорит, что идиллическая сельская община была основой восточного деспотизма. В «Анти-Дюринге» Энгельс говорит, что восточный деспотизм был основан на общинном землевладении.

После разбора главы проф. Сергеева и указания на необходимые поправки проф. Мишулин перешел к оценке метода доказательств, к которому прибегал оппонент, проф. Богаевский: показ общеизвестных иллюстраций, формальная критика, риторические приемы, непригодные в научной дискуссии, невразумительные указания на «классовый характер» изображения львов Мари и «доклассовый» на Крите, «размер жилищ-площади» критского двора и, наконец, обвинение в монархизме своих противников за то, что они считают, что на Крите было государство восточно-деспотического типа, а не первобытный коммунизм.

Отношение проф. Богаевского к первобытному коммунизму заставляет вспомнить о том, как 5—6 лет тому назад было столь сильное увлечение первобытной историей, что некоторые историки почти совершенно отошли от изучения гражданской истории, даже ставили вопрос о том, можно ли критиковать первобытный коммунизм. Такой антиисторический подход вряд ли когда-нибудь обеспечит правильное разрешение научных вопросов истории.

Вопрос о Крите и Микенах нас интересует не только в плоскости изучения этих культур, но и в связи с пониманием исторического процесса, протекавшего в восточном Средиземноморье. Между тем проф. Богаевский находится в плену какого-то странного построения, толкающего его на псевдонаучную теорию. «Говорить, что Крит это прелюдия к истории Греции (а это так и написано у проф. Богаевского), можно так же, как и то, что Египет или Сицилия являлись прелюдией к истории Рима», — замечает проф. Мишулин.

Проф. Богаевский вытягивает развитие в одну линию: Крит—Микены—Гомер—Греция. Получается очень стройная теория, но такая, которая чересчур просто и вульгарно рисует исторический процесс, который мог быть вовсе не простым, а очень сложным и вовсе не стройным. Следует указать, что проф. Богаевский, упрекавший докладчика в незнании материала, совершенно не учитывает сам при изучении происхождения культуры классической Греции новейших данных. Изучение культуры народов Малой Азии показывает, что эти народы развивались под влиянием хеттов и были мостом для передачи культуры в древнюю Грецию. Проф. Хогарт еще в 1910 г., а потом более подробно во II томе «Кембриджской истории» в 1936 г. прямо говорит, что для решения вопроса относительно происхождения культуры материковой Греции нужно копать города Малой Азии, изучать фригийские и лидийские надписи, и тогда понято будет «чудо» греческой культуры.

Известно, что происхождение греческого алфавита теперь начинают выводить уже не из финикийского, а из лидийского и фригийского письма. Проф. Богаевский об этом не говорит ни слова. Он все выводит из Крита, а между прочим греческое письмо ничего общего с критским не имеет; искусство Греции также не критского происхождения; греческая архитектура тоже не может быть выведена из Крита. Наподобие теории «пан-Вавилон», проф. Богаевский создал теорию «пан-Крит». Однако советская наука не может согласиться с проф. Богаевским и считает, как это и показали прения, что выведение микенского и гомеровского периода из Крита — искусственно, антиисторично.

В заключение проф. Мишулин подчеркивает, что в изучении Крита и восточного Средиземноморья и возникновения классической культуры остается много неясных вопросов. Эти вопросы должны будут привлечь внимание, и желательно, чтобы проф. Богаевский продолжал, конечно, работать и писать в области разработки критских проблем, особенно в области частных вопросов, но отнюдь не одной только социологии Крита.

Проф. Мишулин предлагает продолжить дискуссию на страницах «Вестника древней истории». Но это не значит, — добавляет он, — что для «Всемирной истории» допустима какая-нибудь дискуссионная постановка вопроса. На современном уровне наших знаний правильной точкой зрения, разделяемой большинством специалистов, является точка зрения проф. Сергеева, которую и нужно принять.

Делая упрек проф. Богаевскому в том, что он не прислушивается к голосу молодых ученых и, вопреки материалу, отстаивает неправильную прямолинейную схему исторического развития восточного Средиземноморья, проф. Мишулин призывает к совместной работе московских и ленинградских ученых над разрешением сложных и спорных частных проблем крито-микенской культуры.

Выступивший последним проф. Блаватский коснулся вопроса о том, было ли вокруг Кносса поселение, и стоял ли дворец посреди города. На территории кносского дворца, — говорит проф. Блаватский, — были заложены небольшие раскопки, каждый участок обнаружил жилищные комплексы. Если бы все эти площади были вскрыты целиком, то, может быть, мы имели бы город. Далее проф. Блаватский ссылается на осинскую надпись, являющуюся древнейшим документом греческой письменности не на греческом языке. Эта надпись вполне согласуется с гипотезой о переломе и завоеваниях со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Заключительное слово проф. Богаевского свелось к возражениям проф. Мишулину, проф. Толстову, проф. Машкину, проф. Блаватскому, а также дополнительному показу иллюстраций для доказательства различий между дворцами Мари

и Кносса и отсутствия перерыва в развитии Крита и материковой Греции. Показан был также новый план Микен, составленный на основании работ Уэса.

Отмечая то удовлетворение, которое он выносит из дискуссии в связи с тем, что в Москве, хотя и с запозданием, ставятся вопросы об эгейской культуре, проф. Богаевский выражает готовность прийти к соглашению, но после того как будет доказана неправильность его точки зрения. Он выработал ее отнюдь не как кустарь-одиночка, а в коллективе научных работников Ленинграда, ибо Крит, — говорит проф. Богаевский, — вопреки утверждению проф. Мишулина, играл решающую роль во все эпохи античной Греции, и это доказывает синхронность развития.

Ни докладчик, ни те, кто его поддерживал, не доказали, по мнению проф. Богаевского, что на Крите существовало древневосточное рабовладельческое общество, равно как и то, что история Крита кончается около 1400 г.

Проф. Сергеев исходил не из фактического материала, а из положений Эванса, Уэса и т. д. Проф. Сергеев также глубоко неправ, давая парадную историю династий и царей и ничего не говоря о народе, который в его изображении только работает и живет в хибарках. Данные о торговле преувеличены. Речь может идти только о меновой торговле, как например, в Перу, а не о регулярной. Выражая свое полное несогласие с главой проф. Сергеева, проф. Богаевский характеризует ее как компиляцию, основанную на устаревшем материале.

Оставляя в стороне свои основные положения, изложенные в докладе, проф. Сергеев в свое заключительное слово посвятил тем соображениям, которые возникли у него в ходе дискуссии. Целью его доклада, — говорит проф. Сергеев, — было дать более или менее связное изложение истории крито-микенской культуры в размере от 1,5 до 2-х печ. листов, рассчитанное на читателя уровня «Исторического журнала». Перед ним стояла задача дать законченную картину, которая бы базировалась на проверенном материале и тех положениях, которые считались наиболее устойчивыми. Глава написана отчасти по материалу, отчасти по наиболее надежным пособиям. В основу положен Эванс, тот ученый, который создал Крит и выдвинул ряд проблем и ряд рабочих гипотез, будящих исследовательскую мысль. Упрек в недостаточном использовании советской литературы, — говорит проф. Сергеев, — не совсем правилен. Имеются, очевидно, в виду труды ленинградских историков. С этими трудами он также ознакомился, но воспринять их установки не мог. Неоснователен также упрек в отсутствии научно-исследовательского подхода. Тот подход, который был здесь предложен проф. Богаевским путем показа иллюстраций, — неубедителен и не достигает цели. По мнению одних, иллюстрации говорят, что кноссский дворец это — пуэбло, по мнению других — что это роскошное здание в критском стиле. Таким образом, картины говорят как бы на двух языках. Следовательно, научно-исследовательская работа должна идти не по этому пути, а основываться на солидных инженерных, архитектурных и других технических знаниях. Таких знаний, — говорит проф. Сергеев, — нет не только у него, но также и у его оппонентов. У Эванса же работает целая группа архитекторов, художников, инженеров, а потому мы и должны начинать там, где он остановился.

Когда меня упрекают в компиляции, — говорит проф. Сергеев, — то я делаю ее сознательно, потому что у меня нет знания архитектора, инженера и т. д. Что касается оппонентов, то они претендуют на научно-исследовательскую работу, но идут по неправильному пути. Проф. Богаевский много значения придает впечатлениям, причем непроверенным. Когда он впервые приступил к изучению Крита, то он получил впечатление, что критский стиль — это стиль XVIII в. — рококо. Прошло 20 лет, первое впечатление стерлось, и Крит превратился у него в первобытную коммуны с золотом, серебром и диадемами.

Проф. Богаевский сделал также упрек в том, что ничего не сказано о народе. Но памятники, которые остались, говорят не о народе, а о верхушке; следовательно, волей-неволей приходится изучать эту верхушку. Но и при той точке зрения, которой придерживается проф. Богаевский, — тоже нет народа, а есть два слова: «разложение раннее», «разложение позднее», разложением начинается, разложением кончается. Получаются одни слова, а люди берутся в схему.

Отвечая проф. Киселеву, проф. Сергеев указывает, что уклон в сторону литературных источников им сделан вполне сознательно. Целью его было показать, что сила традиции о Крите была чрезвычайно крепка и правильно отражала то, что дает нам археология. Греческие историки обращались к Криту не потому, что он влиял на Грецию, а потому, что Крит связывался с представлением о крупной величине.

По вопросу о масштабах проф. Сергеев предостерегает против неправильных выводов. Он не был на Крите, но был в Помпеях. В Помпеях так же все миниатюрно, как и на Крите, однако никто не сомневается, что строй Помпей гораздо выше, чем первобытное общество.

Неопределенности в вопросе о рабах на Крите объясняются тем, что вопрос чрезвычайно сложен. Реальных доказательств существования рабов на Крите нет, но есть доказательства косвенные. Для сравнения проф. Сергеев ссылается на акад. Струве, который, вопреки свидетельству Геродота, считает возможным утверждать, что пирамиды в Египте строили рабы.

Свою схему,—говорит проф. Сергеев,—он построил таким образом, чтобы изобразить Крит эпохи высшего расцвета в XVII—XV вв. Для этой эпохи характерно, как утверждают археологические литературные источники, господство Крита на море. Поэтому свое изложение он посвятил определению характера критской талассократии, размерам ее владений, стараясь нарисовать картину торговой и ремесленной жизни и мореплавания. В результате получилась довольно внушительная картина, свидетельствующая об обществе, перешедшем на стадию государства. В этом обществе оставалось много пережитков, но ведущей линией было государство. Государство на Крите явилось фактором прогрессивным. На это указывает постройка критского дворца, при которой разрешен целый ряд архитектурно-инженерных проблем, система дорог, водопроводы. Все эти моменты отмечают инженеры и архитекторы.

Проф. Богаевский старался обойти вопрос о письме. Трудно себе представить первобытное общество, в котором были бы известны буквенное письмо и развитая письменность. Затем на Крите найдена масса всевозможных печатей, которые, очевидно, служили царю и его приближенным. Проф. Богаевский объясняет легкость, простоту и изящество критского искусства первобытностью, но тогда,—говорит проф. Сергеев,—нужно отказаться от культуры и идти к первобытному обществу. Это теория неправильная, во всяком случае не прогрессивная и не передовая, вопреки уверению проф. Дальского, считающего ее передовой.

С подведением итогов обсуждения выступил акад. Греков, выделивший два момента дискуссии. С одной стороны, обсуждение главы проф. Сергеева для «Всемирной истории», с другой—разрешение крупных научных вопросов. По первому вопросу акад. Греков предложил принять главу проф. Сергеева с тем, чтобы по исправлению, в связи с сделанными указаниями, обсудить ее вторично. По второму вопросу акад. Греков указал, что он считает, что обсуждение еще далеко не закончено, и предложил проф. Богаевскому продолжать разработку вопроса для того, чтобы представить аргументы, которые могли бы убедить также и тех, кто с проф. Богаевским до сих пор не согласен. Конечно,—говорит акад. Греков,—все споры будут разрешены, когда, наконец, прочтут критские таблички.

В заключение акад. Греков высказывает предположение, что тот повышенный интерес, с которым выступавшие подошли к решению проблемы, является залогом того, что она будет разрешена, тем более что материалы, как показало обсуждение, привлечены далеко еще не полностью.